

«Этот вопрос надо решить положительно».

Принятие решения об открытии Троицкого собора Александро-Невской лавры

Е. В. Шуньгина

Свято-Троицкий собор Александро-Невской лавры для верующих Ленинграда всегда был символом православия, и его открытие после долгих лет гонений и утрат стало долгожданным праздником и главным событием в жизни ленинградской епархии 1950-х годов. Подготовка этого события началась еще в 1940-х.

Многие организации и представители органов государственной и церковной власти оказали влияние на процесс возвращения Троицкого собора епархии, но самую важную роль на всех этапах сыграли верующие города.

В годы Великой Отечественной войны в Ленинградское епархиальное управление и уполномоченному Совету по делам Русской православной церкви стали поступать письма от ленинградцев с просьбой об открытии храмов для проведения богослужений. Прошений об открытии Троицкого собора среди них было мало, поскольку верующие понимали: помещения лавры заняты различными организациями, и маловероятно, что в соборе будет разрешено проводить богослужения.

В Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга, вместе с ходатайствами верующих о возобновлении богослужений в храмах лавры, сохранилось необычное прошение, касающееся Троицкого собора: это не простое письмо, а проект, автором которого был некий В. В. Мальгин¹. Одновременно с его проектом, в июне 1944 года было послано письмо соседкой Мальгина – А. М. Фроловой, которое было названо «Докладной запиской»². Проект и письмо А. М. Фроловой достаточно подробны, поэтому ограничимся только упоминанием основных идей, из-

ложенных в них. Согласно проекту предполагалось «изъять полностью Лавру из общественного частного пользования» (то есть лишить арендаторов помещений), и поскольку «последователей и ревнителей верующих в истинного Бога найдется людей много, за три года с уверенностью Лавру можно восстановить по плану». К проекту прилагался подробный план реконструкции лавры, и, несмотря на то, что некоторые его пункты нельзя назвать реалистичными (например, дать лавре «№-ное количество колодок пчел, чтобы иметь свой воск, и также нужно на 10 лет освобождение от налогов»), надо отдать должное автору: некоторые его идеи были интересны и актуальны – открыть в помещениях лавры дом инвалидов войны и труда, организовать различные мастерские, оказать помощь лавре – провести восстановительные работы силами верующих. Значение же данного письма состоит в том, что оно, переданное уполномоченному Совету по делам РПЦ, вошло в состав дела об Александро-Невской лавре и наряду с другими прошениями способствовало началу подготовки храма к открытию для верующих: по инструкции уполномоченным Советом начинать процесс передачи здания епархии можно было только в том случае, если было достаточное количество просьб об этом со стороны жителей города.

Инициатором возвращения Троицкого собора верующим был также митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий (Чуков).

Впервые митрополит обратился в Совет по делам Русской православной церкви по вопросу открытия лаврского собора еще в 1946 году, но

получил отказ: Троицкий собор находился в лавре, помещения которой были переданы в аренду различным организациям, в том числе относящимся к военной промышленности.

После отказа Совета по делам РПЦ открыть Троицкий собор митрополит начинает активную деятельность, направленную на передачу епархии Казанского собора, но, даже несмотря на поддержку Патриархии, собор, занятый музеем Академии наук, не был открыт для богослужений, и митрополит Григорий вновь начинает ходатайствовать о передаче епархиальному управлению зданий Александро-Невской лавры.

Поводом к возобновлению обращений митрополита в Совет по делам РПЦ по поводу открытия в лавре собора стал трагический случай, произошедший в храме Иоанна Богослова, открытым 8 октября 1946 года на месте бывшей семинарской церкви, в здании Духовной академии³. Этот небольшой храм, открытый, прежде всего, для того, чтобы учащиеся академии могли получить практику, не мог вместить желающих посетить службы в лавре. Стремление верующих попасть на богослужение в храм лавры было так велико⁴, что скопление народа в небольшом помещении в итоге привело к трагедии. В ночь с 12 на 13 апреля 1947 года около полудня во время службы в храме и актовом зале провалился второй снизу марш большой лестницы, в результате чего пострадало 34 человека, из них шестеро находились в тяжелом состоянии⁵. Обстоятельства случившегося были следующими: к концу поста администрация, видя огромное количество верующих, желающих попасть в храм Духовной академии, решила для «рассредоточения молящихся

отслужить две заутрени – в храме и в актовом зале и две литургии в храме – ночную и утреннюю». Верующих на утреннюю службу пришло много, в дверях стояли студенты и сдерживали толпу, но потом произошел «срыв, и двери открыли вновь». В момент катастрофы толпа плотно стояла на всех площадках – у зала, у храма и на двух маршах между ними, при этом один поток верующих двигался вниз по лестнице, а другой шел наверх в храм. В это время «кладовщик Медведев, желая проверить перила, попросил его на лифте поднять вверх, и из-за шума мотора толпа дрогнула, и это колебание разом массы людей вызвало прогибание поддерживающей лестницу балки и в результате ступени начали сдвигаться с места»⁶. Людей, повисших на перилах и оставшихся на средних ступенях, сняли, «остальные рухнули вниз, в подвал». Далее в рапорте администрации Духовной академии митрополиту, в котором описано произошедшее событие, излагались детали эвакуации людей из непригодного для огромного количества верующих здания через пролом в стене, сделанный пожарными. Поскольку вторую часть здания на Обводном канале, 19, занимало общежитие Ленэнерго, то людей эвакуировали по их лестнице, доступ к которой осуществлялся через дыру в стене. Но на следующий же день произошло новое происшествие, связанное с предыдущим: «вечером обитатели общежития по открытому проходу перебрались в помещения Академии и взломали замки епархиального склада утвари библиотеки»⁷. В итоге, «проход забили и для сообщения с верхним этажом в лифтовом колодце поставили малярную лестницу», а после осмотра места происшествия члены специальной комиссии «выразили мнение, что публичное богослужение после восстановления лестницы может быть возобновлено, ибо естественно, что семинаристам должна быть дана возможность практики с народом»⁸.

Действительно, через некоторое время после восстановления лестничного марша службы в храме и в зале Духовной академии возобновились, и вскоре все забыли о случившемся, так как смертельных исходов не было. Митрополит Григорий после этого происшествия вновь обратился с просьбой об открытии собора в лавре в органы власти. А потом обратился

снова – в апреле 1948 года – в годовщину описанных событий...

Ходатайства митрополита не были поддержаны местными властями, и церковь академии по-прежнему оставалась единственной в районе.

Только в 1949 году, в связи с переездом митрополита из Никольского собора, где он жил на хорах, где находились канцелярия и место для приемов, в выделенные ему покои в Духовском корпусе лавры, там появилась первая на территории лавры церковь. В этой домовый митрополичей церкви на службах могло присутствовать только несколько человек, и официального разрешения властей на ее открытие сразу получено не было, но эта маленькая церковь, освященная в 1950 году, начала процесс возрождения в лавре церковно-приходской жизни. Впоследствии митрополит сожалел, что не смог добиться разрешения представителей власти на храм большей площади, чтобы можно было впускать «сторонних богомольцев, а иметь вместо этого непомерно большой приемный зал»⁹, но этот факт стал стимулом к возобновлению архиереем ходатайств об открытии Троицкого собора лавры.

Еще в сентябре 1945 года митрополит писал патриарху: «Громадное значение будет иметь для Церкви предоставление нам Троицкой лавры»¹⁰. В последующие годы митрополит неоднократно поднимал вопрос о желательности проведения богослужений в Троицком соборе лавры: в 1948 году представляя интересы верующих, обратившихся к нему с письмом, под которым стояло 49 подписей¹¹, потом в 1949 году прося содействия в указанном вопросе у патриарха, митрополит Григорий пояснял поспешность тем, что в августе 1949 года арендаторы храма должны были его покинуть, и «вопрос о дальнейшей судьбе храма остается пока открытым»¹². Но политическая ситуация была такой, что разрешение на открытие храма в эти годы получить было уже невозможно.

Следующую попытку добиться передачи Троицкого собора в ведение Ленинградской епархии митрополит предпринял в 1953 году, но успеха добились только в 1956 году, когда митрополита Григория уже не было. В процессе передачи храма епархии участвовал преемник митрополита Григория – митрополит Елевферий,

но основу для принятия решения Советом министров РСФСР создал именно предыдущий глава епархии. Подготовка решения правительства была непростой, но в итоге Троицкий собор в 1950-х годах стал единственным открытым храмом Ленинградской епархии.

В 1948 году верующие Смольнинского района написали коллективное ходатайство митрополиту Ленинградскому и Новгородскому Григорию о передаче церкви Троицкого собора, и это прошение стало основой делопроизводства, связанного с открытием бывшего главного собора лавры. Главной причиной необходимости возвращения Троицкого собора РПЦ верующие называли отсутствие в Смольнинском районе – достаточно крупном центральном и населенном районе Ленинграда, других православных храмов, кроме домовый церкви при Духовной академии¹³. Отметим, что в отличие от других прошений верующих о возвращении различных закрытых храмов Русской православной церкви в ходатайстве недостаточное изложены доводы, почему следует открыть именно один из лаврских соборов, и именно Троицкий. Зато в прошении самого митрополита Григория к уполномоченному Совету по делам РПЦ по Ленинграду и Ленинградской области А. И. Кушнareву, в котором указывалось наличие инициативы от верующих, мотивы открытия именно Троицкого собора были изложены¹⁴. Но просьба вновь оказалась несвоевременной: исполком Ленгорсовета отклонил ходатайство, мотивируя отказ тем, что собор занимает НИИ Министерства судостроительной промышленности¹⁵.

Новое ходатайство от митрополита к уполномоченному по делам РПЦ датировано 1953 годом. Это прошение было связано с планами переустройства Никольского кладбища лавры в городской парк. Поскольку патриарх Алексей I обязал митрополита Григория озаботиться «приведением в порядок и надлежащим оформлением могил почивших иерархов», митрополит, узнав о таком решении властей, вышел с инициативой перенесения останков священнослужителей, захоронения которых должны были быть ликвидированы, в подвал Свято-Троицкого собора, который, по его мнению, должен был стать некрополем «многих выдаю-

щихся церковных деятелей прошлого и тем устранить соблазн, который, несомненно, возникнет при простом уничтожении захоронений». Митрополит, между делом, акцентировал внимание уполномоченного и на том, что «желательно в таком случае восстановление и церковного служения в соборе Лавры, как месте погребения и поминаения усопших»¹⁶. Но опять делу о возвращении собора епархии не был дан ход: поскольку проект уничтожения кладбища и создания на его месте парка не был реализован, дело о передаче Троицкого собора РПЦ было также приостановлено.

Новый виток этого процесса начался в 1955 году. Открытия Троицкого собора добивались и верующие, писавшие прошения в органы власти, и митрополиты Григорий и Елевферий¹⁷, обращавшиеся за содействием по этому вопросу к уполномоченному Совету по делам РПЦ А. И. Кушнареву, но теперь ситуация осложнялась тем, что согласно постановлению правительства об открытии храмов 1955 года¹⁸ разрешение на открытие храма первым должен был дать Ленгорисполком, а получить его было почти невозможно. Причин для отказа отдать Троицкий собор для богослужений у Ленгорисполкома было несколько: здание было занято НИИ Министерства судостроительной промышленности – так называемый «почтовый ящик», находилось в аварийном состоянии, и поскольку считалось, что епархиальное управление финансировать работы в полном объеме не сможет, то Ленгорисполком не хотел привлечения внимания к памятнику. Кроме того, здание находилось недалеко от центра города, и налаживание в крупнейшем соборе города церковно-приходской жизни вызвало бы оживление верующих, которые начали бы ходатайствовать о передаче епархии всех зданий лавры, чего в планах Ленгорисполкома не было.

Митрополит Григорий, понимая, что епархиальное управление получить согласие исполкома города на открытие лаврского собора не сможет даже с помощью председателя Совета по делам РПЦ Г. Карпова, при встречах с которым митрополит часто обсуждал судьбу собора¹⁹, обратился за поддержкой к патриарху для решения вопроса в правительстве.

15 июня 1955 года митрополит Ленинградский Григорий составил

докладную записку на имя патриарха Алексия, в которой были изложены аргументы, доказывающие необходимость открытия Троицкого собора. Основаниями для повторного ходатайства митрополит Григорий считал несколько обстоятельств. Первопричиной архиереев называл то, что до закрытия именно Троицкий собор был «центром религиозной жизни г. Ленинграда»²⁰. Митрополит в своем ходатайстве также указывал на необходимость скорейшего принятия решения относительно дальнейшей судьбы собора, так как этот исторический памятник, «находящийся номинально под охраной государства, фактически разрушается: стены от постоянных протечек промокли и необходимо устройство отопления для просушки собора, карнизы обвалились, штукатурка отпала во многих местах до кирпича и обнажила стены, барельефы попорчены. Внутри ценные лепные потолки приведены в негодность, а равно и скульптурные украшения»²¹. Митрополит заострял внимание и на том, что его покой находится в непосредственной близости к собору – в Духовском корпусе лавры, и они часто посещаются иностранными церковными делегациями²², которые обращали внимание на «столь печальное состояние Лаврского собора и высказывали по этому поводу открытое изумление, в особенности в связи с той информацией о внутренней свободе церкви и благожелательном к ней отношении со стороны Советского правительства, каковая неизменно предлагалась гостям ленинградским митрополитом. Не раз со стороны указанных делегаций поступали просьбы о разрешении осмотреть внутренность Троицкого собора, но таковые всегда отклонялись под разными измышленными предлогами, по причине невозможности с политической точки зрения показать иностранцам допущенные разрушения, полную неприглядность и заброшенность здания»²³. Митрополит Григорий также добавил фразу, которую повторил патриарх, когда ставил вопрос об открытии храма перед Советом по делам РПЦ при Совете министров СССР: «Несостоятельность предлогов, под которыми гости не допускались в собор, несомненно, интуитивно чувствовалась, хотя из деликатности и не высказывалась, и создавала впечатление неискренности и фальши

в освещении митрополитом вопроса о положении Русской православной церкви в Советском Союзе»²⁴. Этот аргумент, вероятно, имел решающее значение при принятии решения о восстановлении собора.

Все аргументы, приведенные митрополитом Григорием в письме, были высказаны патриархом на личной встрече с председателем Совета министров СССР Н. А. Булганиным 26 марта 1956 года. Личной беседы с главой правительства патриарх ожидал давно. Ранее, в конце 1954 года он беседовал с Г. М. Маленковым²⁵, который был в то время Председателем Совета министров СССР, и после этой беседы на время прекратились гонения на церковь и травля священников в прессе. Теперь, в связи с новыми политическими условиями и учитывая предыдущий опыт, патриарх решил обратиться за содействием к Н. А. Булганину и о своем желании часто напоминал председателю Совета по делам РПЦ Г. Г. Карпову²⁶. Когда просьбы патриарха стали настойчивее и инициативу главы РПЦ было невозможно игнорировать²⁷, 26 марта 1956 года встреча состоялась, и именно она стала отправной точкой для форсирования принятия решения об открытии Троицкого собора. Отметим, что председатель Совета по делам РПЦ за два дня до встречи с главой РПЦ проинформировал Н. А. Булганина о предполагаемых вопросах, которые мог задать ему патриарх Алексей: ни одно из обещаний и разрешений не было дано Н. А. Булганиным патриарху на их личной встрече спонтанно, все было продумано заранее²⁸.

Как и докладывал Г. Г. Карпов, основным вопросом, который патриарх стремился обсудить с главой правительства, было «частичное открытие церковей», в частности, специально оговаривалось возвращение в ведение РПЦ храма в г. Ухте Коми АССР и Троицкого собора, на что Н. А. Булганиным было дано согласие²⁹. Впоследствии в разговоре с председателем Совета по делам РПЦ патриарх Алексей восторженно отзывался о приеме и о своем недавнем собеседнике: «Сразу видно, что Булганин – русский человек, и так внимательно нас выслушал, с каким доверием велась с ним беседа...»³⁰ Но не только глава правительства знал, благодаря Г. Г. Карпову, какие вопросы захочет обсудить с ним

патриарх: в день своего обращения к Н. А. Булганину – 24 марта 1956 года, глава Совета по делам РПЦ обращается в ЦК КПСС и просит рассмотреть письмо, в котором указаны аргументы для открытия Троицкого собора, и в заключение этого письма сказано: «Надо решить положительно вопрос об открытии Троицкого собора Александро-Невской лавры»³¹. Встреча патриарха с Председателем Совета министров СССР готовилась заранее и, по сути, была только поводом, а не причиной для начала действий, относящихся к РПЦ, которые также готовились в «кулуарах власти».

Уже на следующий день после встречи главы правительства и патриарха, 27 марта 1956 года в Совете по делам РПЦ состоялось совещание, на котором были запланированы мероприятия по выполнению указаний Н. А. Булганина, в том числе было решено, что председатель Совета по делам РПЦ Г. Г. Карпов должен в ближайшие дни выехать в Ленинград для решения вопроса об открытии Троицкого собора «с местными руководящими органами»³². После заседания Совета по делам РПЦ, 28 марта 1956 года, его председатель обращается в управление делами Совета министров СССР о разрешении ему на период 2–5 апреля 1956 года быть в Ленинграде для «решения вопроса в обкоме КПСС по вопросам, поднятым патриархом на приеме у т. Булганина»³³. К сожалению, документы о переговорах с обкомом Ленинграда в изученных нами фондах малочисленны, а в ЦГА ИПД фонд, в котором хранятся документы обкома, касающиеся вопросов культов, в настоящее время не подлежит рассекречиванию, и невозможно узнать о том, как проходили переговоры главы Совета по делам РПЦ с обкомом. Но в ГАРФ сохранился документ – «Справка по вопросам, поднятым на приеме у т. Булганина» в Совет министров СССР, в которой Г. Г. Карпов писал следующее: «Завтра, 1 апреля, согласно указаниям выезжаю в Ленинград, где имею в виду отрегулировать вопрос с секретарем обкома КПСС т. Козловым. Одновременно будет рассмотрен вопрос о закрытии музея истории религии и атеизма в Казанском соборе»³⁴.

Г. Г. Карпову удалось при личном визите в Ленинград получить согласие обкома КПСС на передачу

Троицкого собора³⁵, без которого Ленгорисполком не дал бы своего разрешения на передачу здания РПЦ. Информации о визите Г. Карпова в Ленинград нет, но есть его «воспоминание». Карпов, начав в мае 1956 года борьбу против действий местных органов власти, направленных против Совета по делам РПЦ, обратился за содействием в ЦК КПСС и в своем письме изложил общую ситуацию с получением разрешения на открытие храмов. Г. Карпов писал: «Совет может принимать решение только при условии согласия местных органов, но, как правило, эти органы во всех случаях не дают своего согласия и, больше того, смотрят на Совет как на защитника интересов церкви, не говоря уже о даче неправильных указаний нашим уполномоченным». Совет считает, «учитывая целесообразность использования церкви в государственных интересах, главным образом в заграничной ее деятельности, нужным удовлетворить некоторые просьбы церкви в рамках существующих законов», и следует «разъяснить обкомам и крайкомам КПСС вредность администрирования и разослать прилагаемую к письму справку»³⁶. В справке в качестве примера администрирования была приведена ситуация с Троицким собором Ленинграда: «Вопрос об открытии собора решается 7 лет. Ленинградские товарищи дали согласие на открытие татарской мечети в одном из центральных районов города, а открыт собор в лавре, находящийся на одной из окраин города, не могли без приема патриарха т. Булганиным, хотя там же в лавре функционируют Духовная академия и семинария, находится резиденция митрополита, но требования постоянно отклоняют. Вот почему патриарх Алексей как на приеме у т. Маленкова, так и на приеме у т. Булганина прежде всего обращался с просьбой по этому вопросу»³⁷.

После согласия партийных органов на передачу Ленинградской епархии Троицкого собора Ленгорисполком также дал разрешение на открытие храма и направил все документы «с просьбой разрешить передать Троицкий собор для богослужений»³⁸ в Совет министров РСФСР³⁹, который должен был принять окончательное решение об открытии храма⁴⁰. Отметим, что глава Ленгорисполкома Н. И. Смирнов

дал разрешение на передачу здания в ведение епархии еще и потому, что именно в это время, в апреле–мае 1956 года, вел борьбу за пересмотр законодательства об охране памятников и отстаивал свое положение, сопротивляясь желанию Государственной инспекции по охране памятников (ГИОП) лишить местные власти (Ленгорисполком) возможности распоряжаться памятниками, изъять их из ведения местных органов власти⁴¹. Н. И. Смирнов выступал за то, чтобы здания-памятники находились у тех арендаторов, которые смогут их содержать, а Министерство судостроительной промышленности отказалось финансировать реставрационные работы своих объектов⁴², при этом лишить права аренды подобный НИИ было невозможно. Все вышесказанное было еще одной причиной для согласия Ленгорисполкома на передачу здания в ведение РПЦ.

Кроме активной деятельности Г. Г. Карпова большую роль в деле передачи Троицкого собора в ведение РПЦ сыграл патриарх Алексей. Он не остановился на получении обещаний от Н. А. Булганина, а постоянно интересовался процессом принятия решения о главном храме лавры, контролировал выполнение распоряжений главы правительства, обстановку в Ленинграде с помощью писем митрополита Григория, действия в Москве – спрашивая у Г. Г. Карпова, как обстоит дело с разрешением на открытие собора. Так, например, 17 апреля 1956 года патриарх в разговоре с председателем Совета по делам РПЦ говорил следующее: «Меня интересует, хотя я и знаю, что на это надо время, это вопрос о Троице-Сергиевой лавре и Троицком соборе в Ленинграде», на что был получен ответ Г. Карпова, что «вопросом, связанным с передачей помещений Троице-Сергиевой лавры и Троицкого собора в Ленинграде я и Совет занимаемся»⁴³. Последнее было правдой: для принятия окончательного решения Советом министров РСФСР нужно было урегулировать вопросы с другими организациями, которые были связаны со зданием Троицкого собора, поэтому от времени согласия органов власти Ленинграда – начало мая 1956 года до принятия решения Советом министров РСФСР 10 июля 1956 года прошло два месяца. Но если бы не активность Г. Карпова, обязательство

главы правительства и контроль патриарха за его выполнением, времени для принятия решения об открытии собора понадобилось бы больше.

Основной вопрос, который необходимо было решить, прежде чем передать здание храма в ведение РПЦ, был связан с освобождением здания от НИИ Министерства судостроительной промышленности, с которым началась переписка. Нежелание передать здание под храм исходило не только от руководства института, но и от сотрудников, хотя, вероятно, их письмо Г. Г. Карпову было инициировано «свыше». 3 мая 1956 года, когда председатель Совета по делам РПЦ после болезни вышел на работу, ему было доложено о письме сотрудников ЦНИИ-48 от 14 апреля 1956 года⁴⁴, то есть оно было отправлено вскоре после того, как Карпов в начале апреля побывал в Ленинграде и решал вопрос о передаче собора в ведение РПЦ с местными властями. Письмо научных сотрудников ЦНИИ-48, подписанное двумя десятками человек, в том числе докторами технических наук, содержало просьбу «не передавать духовенству корпусов лавры», так как «институту по роду деятельности необходима совершенно изолированная территория, чего нельзя обеспечить, имея в лавре действующий собор, расположенный в центре корпусов, занимаемых институтом». В конце письма было обращение: «Тов. Карпов! Всю научную общественность очень сильно волнует вопрос, и она ожидает от вас ответа!»⁴⁵ Ответ председателя Совета по делам РПЦ неизвестен, архивные дела его не содержат, но известно, что в конце мая 1956 года заместитель председателя Совета

министров РСФСР Н. Беспалов обратился с письмом в Министерство судостроительной промышленности РСФСР, которое содержало вопрос о мнении министерства по поводу возможности передачи Троицкого собора в ведение церкви⁴⁶. Заместитель министра судостроительной промышленности в июне 1956 года сообщил в Совет министров РСФСР и Ленгорисполком, что НИИ может освободить помещения собора «при условии, что Ленгорисполком освободит и передаст институту равную площадь в Федоровском корпусе [лавры], занимаемую в настоящее время под овощехранилище»⁴⁷. На это письмо Ленгорисполком сообщил в Совет министров РСФСР о том, что «он не может дать гарантии о передаче овощехранилища под склад института, но независимо от этого считает целесообразным передать здание собора епархии. Вопрос о предоставлении помещения под склад МПВО и института, расположенные в здании Троицкого собора, решат Ленгорисполком и Министерство судостроительной промышленности»⁴⁸. Но несмотря на нерешенность вопроса о помещении между организациями, главное – согласие Министерства судостроительной промышленности на передачу собора в ведение епархии было получено, и 10 июля 1956 года Совет министров РСФСР решает «Принять предложение Совета по делам РПЦ об открытии Троицкого собора Александро-Невской лавры в Ленинграде. Поручить Ленгорисполком передать ЛЕУ в установленном порядке здание собора как памятник архитектуры»⁴⁹.

Но после принятия решения об открытии храма Совет министров

РСФСР был снова задействован в решении вопроса реализации своего постановления: долгое время решался вопрос между организациями об освобождении помещения храма для начала восстановительных работ. 14 октября 1956 года председателю Совета министров РСФСР А. М. Яснову было передано письмо председателя Совета по делам РПЦ с жалобой на Ленгорисполком: «Ленгорисполком предложено передать ЛЕУ (Ленинградскому епархиальному управлению) здание указанного собора в установленном порядке как памятник архитектуры. Здание собора до сих пор не освобождено и не передано, несмотря на неоднократные обращения Совета. 20 октября 1956 года в Ленинград выезжает патриарх Алексей, туда же прибывает и патриарх Сербский Викентий, и несомненно, они будут интересоваться этим вопросом. Совет просит Вашего распоряжения Ленгорисполком ускорить освобождение здания Троицкого собора в Ленинграде и передать его ЛЕУ»⁵⁰. От имени Совета министров РСФСР заместитель председателя Н. Беспалов 20 октября 1956 года поручает председателю Ленгорисполкома Н. Смирнову принять необходимые меры для скорейшего освобождения собора.

Помещения собора окончательно были освобождены НИИ и МПВО только 29 января 1957 года⁵¹, и сразу же ЛЕУ приступило к проведению ремонтно-реставрационных работ. Но, несмотря на то, что согласие Совета министров РСФСР было получено 10 июля 1956 года, первое богослужение в соборе состоялось лишь 11 сентября 1957 года.

¹ Проект реконструкции Александро-Невской лавры. 1944 г. // ЦГА СПб. Ф. 9324. Оп. 1. Д. 24. Л. 6.

² Докладная записка Патриаршему Местоблюстителю, митрополиту Ленинградскому и Новгородскому // ЦГА СПб. Ф. 9324. Оп. 1. Д. 24. Л. 6.

³ Разрешение Совета по делам РПЦ открыть домовую церковь в Духовной академии с превращением ее в приходскую // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 335. Л. 23.

⁴ Верующие стремились попасть в храм Духовной академии не только потому, что других действующих церквей поблизости не было, но и потому, что в этой церкви была особая атмосфера. Патриарх Алексей на торжественном молебне в храмовый праздник Александра Невского сказал об этом так: «Я знаю, что сюда любят приходить люди Божии не только потому, что здесь хорошо идет служба и что здесь хорошо поют, но, главным образом, потому, что верующий народ видит здесь рассадник духовного просвещения, видит здесь виноградник, который

обещает дать добрые плоды» (Слово Святейшего Патриарха Алексия в храме Духовной академии в Ленинграде 6 декабря 1949 г. // ЖМП. 1950. № 1. С. 10).

⁵ Рапорт профессора Духовной академии Осипова митрополиту. Апрель 1947 г. // ЦГА СПб. Ф. 9324. Оп. 2. Д. 17. Л. 12–18.

⁶ Там же. Л. 14.

⁷ Там же. Л. 17.

⁸ Там же. Л. 18.

⁹ Там же.

¹⁰ Митрополит Григорий (Чуков): служение и труды. К 50-летию преставления // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. Вып. 34. С. 109.

¹¹ Александрова-Чукова Л. К., Шкаровский М. В. Митрополит Григорий (Чуков): возвращение церкви храмов Александро-Невской лавры // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. Вып. 34. С. 135.

¹² Там же. С. 137.

¹³ Коллективное ходатайство верующих Смольнинского района митрополиту о передаче Троицкого собора церкви // ЕАСПб (Епархиальный архив Санкт-Петербурга). Ф.1. Оп. 7. Д. 40. Л. 3.

¹⁴ Прошение митрополита Григория к уполномоченному Совету по делам РПЦ по Ленинграду и Ленинградской области по поводу восстановления Троицкого собора // Там же. Л. 4.

¹⁵ Протокол № 9 заседания исполкома Ленгорсовета от 23 февраля 1948 г. п. 10. Об открытии собора Александро-Невской лавры // ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 25. Д. 545. Л. 32.

¹⁶ Прошение митрополита Григория к уполномоченному Совету по делам РПЦ по Ленинграду и Ленинградской области по поводу передачи в ведение РПЦ Свято-Троицкого собора Александро-Невской лавры // ЕАСПб. Ф. 1. Оп. 7. Д. 40. Л. 5.

¹⁷ Согласно устным свидетельствам дочери митрополита Елевферия (Воронцова) Елизаветы Вениаминовны Чевяга, «он несколько раз ездил в Москву для встречи с руководителями государства» по вопросу открытия Троицкого собора (Кузьмин В. Троицкий собор Александро-Невской лавры. Л., 1985. С. 61. Рукопись).

¹⁸ Постановление Совета министров СССР от 17 февраля 1955 г. № 259. «Об изменении порядка открытия молитвенных зданий» // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 638. Л. 67.

¹⁹ Александрова-Чукова Л. К., Шкаровский М. В. Указ. соч. С. 146.

²⁰ Докладная записка митрополита Григория патриарху по поводу восстановления Троицкого собора // ЕАСПб. Ф. 1. Оп. 7. Д. 40. Л. 11.

²¹ Там же.

²² Как удалось установить по документам ЦГА СПб, иностранные церковные делегации действительно часто посещали покой митрополита: в программу посещения Ленинграда каждой делегацией, кроме посещения исторических достопримечательностей – Эрмитажа, Русского музея, иногда одного из заводов – чаще Кировского, и Николо-Богоявленского кафедрального собора, всегда входила встреча с митрополитом в его лаврских покоях за торжественным обедом (Программы приема в Ленинграде религиозных организаций // ЦГА СПб. Ф. 9324. Оп. 2. Д. 20. Л. 25–34).

²³ Докладная записка митрополита Григория патриарху всея Руси по поводу восстановления Троицкого собора // ЕАСПб. Ф.1. Оп. 7. Д. 40. Л. 12.

²⁴ Там же.

²⁵ Митрополит Григорий (Чуков): служение и труды. К 50-летию преставления // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. Вып. 34. С. 123.

²⁶ Письмо председателя Совета по делам РПЦ в ЦК КПСС и Совет Министров СССР, 21 марта 1956 г. // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1331. Л. 165.

²⁷ На приеме в Кремле в честь Д. Неру 14 июня 1955 г. патриарх обратился к Н. А. Булганину с просьбой принять его и, как позднее он говорил Г. Карпову, «Булганин согласился, но имелось в виду следующее время». Патриарх, принимая во внимание отпуск свой и Н. Булганина, поездку последнего в Индию, сессию Верховного Совета, XX съезд КПСС и «вообще, будучи деликатным человеком, не настаивал об этом, хотя вспоминал о приеме, а сейчас после встреч с американской делегацией даже в этом нуждается». Карпов указывал на то, что получил информацию о готовящейся Советом по делам культов встрече Булганина с патриархом Армянской церкви, и, по его мнению, раньше должна состояться беседа Булганина с патриархом Алексием. «Если этого не случится, – писал Карпов в СМ СССР, – то вызовет у Алексия недоумение, будет воспринято им явно болезненно и может, по нашему мнению, отразиться на установившихся отношениях между Правительством СССР и патриархатом», притом что «Алексий и РПЦ поставлены на большую международную дорогу» (Письмо председателя Совета по делам РПЦ в ЦК КПСС в Совет министров СССР, 21 марта 1956 г. // Там же. Л. 166).

²⁸ Письмо председателя Совета по делам РПЦ Г. Карпова Н. А. Булганину, 24 марта 1956 г. // Там же. Л. 184.

²⁹ Справка Совета по делам РПЦ в секретариат Н. А. Булганина о выполнении вопросов, поставленных патриархом у Н. А. Булганина, 7 мая 1956 г. // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1332. Л. 55.

³⁰ Справка о высказываниях патриарха Алексия после приема у Н. А. Булганина, составленная председателем Совета по делам РПЦ Г. Карповым, 7 мая 1956 г. // Там же. Л. 56.

³¹ Письмо Г. Г. Карпова в ЦК КПСС об открытии Троицкого собора Александро-Невской лавры, 24 марта 1956 г. // Там же. Л. 186.

³² Протокол заседания Совета по делам РПЦ от 27 марта 1956 г. // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1332. Л. 24.

³³ Обращение председателя Совета по делам РПЦ Г. Г. Карпова в управление Совета министров СССР, 28 марта 1956 г. // Там же. Л. 7.

³⁴ Справка по вопросам, поднятым на приеме у т. Булганина, в Совет министров СССР, 31 марта 1956 г. // Там же. Л. 215.

³⁵ Справка Совета по делам РПЦ в секретариат Н. А. Булганина о выполнении вопросов, поставленных патриархом у Н. А. Булганина, 7 мая 1956 г. // Там же. Л. 55.

³⁶ Письмо председателя Совета по делам РПЦ в ЦК КПСС, 18 мая 1956 г. // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1332. Л. 75.

³⁷ Справка о фактах нарушения законности и администрирования в отношении церкви, 18 мая 1956 г. // Там же. Л. 82.

³⁸ Там же.

³⁹ Письмо исполнительного комитета Ленгорисполкома председателю Совета министров РСФСР М. А. Яснову, 3 мая 1956 г. // ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 7355. Л. 25.

⁴⁰ Постановление Совета министров СССР от 17 февраля 1955 г. № 259. «Об изменении порядка открытия молитвенных зданий» // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 638. Л. 67.

⁴¹ Справка-приложение к письму начальника ГИОП Ленинграда Н. Н. Белехова к Н. А. Булганину, 14 января 1956 г. // ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 7355. Л. 100.

⁴² «Замечания по заключению министерств и ведомств» председателя Госстроя и Ленгорисполкома. Б.д. // Там же. Д. 7892. Л. 10.

⁴³ Справка о высказываниях патриарха Алексия после приема у Н. А. Булганина, составленная председателем Совета по делам РПЦ Г. Карповым, 7 мая 1956 г. // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1332. Л. 56.

⁴⁴ Отметка от 3 мая 1956 г. на письме научных сотрудников ЦНИИ-48 Г. Карпову о недопустимости передачи собора лавры духовенству, 14 апреля 1956 г. // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1358. Л. 31.

⁴⁵ Письмо научных сотрудников ЦНИИ-48 Г. Карпову о недопустимости передачи собора лавры духовенству, 14 апреля 1956 г. // Там же.

⁴⁶ Письмо заместителя председателя Совета министров РСФСР в Министерство судостроительной промышленности, 26 мая 1956 г. // ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 7355. Л. 24.

⁴⁷ Письмо заместителя министра судостроительной промышленности заместителю председателя Совета министров РСФСР, копия председателю Ленгорисполкома, 19 июня 1956 г. // Там же. Л. 26.

⁴⁸ Справка, подготовленная заместителем председателя Совета министров РСФСР по вопросу открытия Троицкого собора в Ленинграде, 3 июля 1956 г. // Там же. Л. 23.

⁴⁹ Распоряжение Совета министров РСФСР об открытии Троицкого собора в Ленинграде от 10 июля 1956 г. № 2627р. // ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 7355. Л. 22.

⁵⁰ Письмо Совета по делам РПЦ председателю Совета министров А. М. Яснову, 14 октября 1956 г. // Там же. Л. 21.

⁵¹ Распоряжение по ЛЕУ № 89 о принятии здания Троицкого собора от Смольнинского РЖУ, 29 января 1957 г. // ЕАСПб. Ф. 1. Оп. 7. Д. 40. Л. 91.

